

Юрий Фурманов
Имка с острова Табор

Еще вчера мне казалось, что вот-вот и мы, как и полстолетия назад, пройдем рядом по киевским улицам от дома Мороза, через шевченковский садик, мимо красного здания университета имени Шевченко, пересечем бульвар имени того же украинского гения и попадем на когда-то тихую и малолюдную улицу имени композитора Леонтовича, до революции — Гимназическую, рядом с Владимирским собором. Там, во дворе института биохимии Академии наук Украинской ССР, поднимемся на второй этаж лабораторного корпуса, где в длинном коридоре, на широчайшем подоконнике раскинул свои владения придуманный нами остров Табор.

Уже и не припомнится, чья это была идея иметь собственный остров — думаю, что все-таки Имкина...

Рыжий, весь веснушчатый вундеркинд, читавший с раннего детства «взрослые» книги был моим ближайшим другом в те далекие и непростые годы. Его родители и моя мама трудились в одном институте под руководством тогдашнего президента Академии А. В. Палладина, а мы дети сотрудников проводили свое свободное время в огромном (так по крайней мере тогда казалось!) институтском дворе.

Наш Табор на подоконнике был странным по тем временам очажком демократии в тоталитарном государстве СССР, что могло быть и не безопасным, узнай кто-либо о его существовании. Из бумаги вырезались президент страны, ее жители, члены парламента. Поскольку государство было островным, имелись самолеты из картона и корабли из древесной коры, открывались кинотеатр, больница и даже, явно с недетской имкиной подачи... публичный дом!

Трудно сегодня вспомнить сколько просуществовал так и не нанесенный на географические карты остров Табор — ведь мы росли, Имка все глубже погружался в серьезные книги, я увлекся школьным драматическим кружком, но мы все равно встречались, бродили по городу и однажды даже забрались в район почти недоступного тогда Зверинца, мест древней княжеской охоты, где сегодня раскинулся огромный Ботанический сад.

В это же время Эмерих Теодорович Сорени был удостоен Сталинской премии и назначен директором института биохимии в далеком городе Будапеште. Видимо там нужны были лояльные к новой власти ученые, свои люди из политэмигрантов, бежавших в свое время из фашистской Венгрии, счастливо избежавшие сталинского беспредела. Таким идеально был профессор Сорени, хотя у него уже начинались приступы стенокардии и я нередко заставлял его стонущим от боли за грудиной в кабинете на широкой тахте, которой было суждено впоследствии стать моим первым семейным ложем.

В Жулянском аэропорту семейство продержали несколько суток, я даже ездил туда на свидание с другом, Там энкаведисты прокручивали все магнитофонные кассеты, купленные перед отъездом, рылись в самом новеньком магнитофоне «Днепр», шерстили на предмет нежелательных к вывозу книг уникальную профессорскую библиотеку, не дав вывезти с собой, например, книгу Л. Гроссмана об Алисе Коонен, которая среди прочих «невъездных» досталась мне и свято хранится в память о друге. Уже из Венгрии Има прислал (или передал?) мне сборник нежелательного для чтения в те годы С. Есенина и познакомил меня и мою девушку, а позже жену, с творчеством поэта.

Он писал восторженные письма и открытки из Будапешта, о своих занятиях в венгерской школе, особняке, в котором их поселили, вольных нравах на острове Маргит... А потом грянули венгерские события в которых позавчерашний пионер и вчерашний комсомолец Имре Сорени, естественно, принял сторону восставших, был даже арестован, перешел границу Австрии и на долгих 50 лет исчез из моей жизни.

В Киев после преждевременной смерти мужа от инфаркта наезжала Бронислава Захаровна Сорени, кое-что потихоньку

рассказывала подругам о судьбе сына, но говорить об этом вслух они боялись — тогда запрещалось распространять подобные сведения. И все же что-то просачивалось: то ли Има осел и женился в Израиле, то ли переехал в США.

И вот более чем через полвека после описанных событий мне позвонила сотрудница музея М. А. Булгакова Татьяна Абрамовна Рогозовская и, выяснив, «тот ли я Фурманов о детской дружбе с которым писал известнейший в мире профессор-литературовед Омри Ронен», дала его американский адрес, так как оказалось, что я — именно тот, а Омри Ронен — Имре Сорени.

А затем было несколько лет дружеской переписки с городом Анн Арбор, штат Мичиган, обмен фотографиями и семейными сведениями. Долго собирались поговорить по скайпу, но так и не получилось.

А в журнале «Звезда» я читал не всегда доступные моему пониманию, но всегда блестящие по стилю литературные эссе профессора Омри Ронена, прислал он мне в Киев две вышедшие в Питере книги «Из города Энн» и «Шрам», ксерокопии некоторых своих статей. Конечно, мечталось о его приезде, но мешало нездоровье, операции, потом он выбрал для поездки литературный форум в Москве и наша встреча и живой разговор так и не состоялись.

И, как, увы, это нередко случается в наши годы, позвонила мне та же Т. А. Рогозовская и сообщила, что наше новое расставание уже окончательное, и остаются только воспоминания, которыми я и стараюсь сегодня поделиться...

Когда-то, в том самом шевченковском садике, в ответ на мои сетования по поводу смерти Отца народов, Имка мне отрезал, как обычно не терпя возражений: «Не огорчайся, умер бандит, так сказали мои родители, а они все знают».

Он тоже знал многое, если не все, друг моего детства Има Сорени, в последствии, ставший профессором Омри Роненом.

И все же, как много в нашей жизни осталось недосказанного и непережитого вместе — ведь времени с каждым днем все меньше или и вовсе нет.

А ведь мы живы, пока помним...